

Ирина Алферова

Доброго человека сыграть куда сложнее, чем злого

Ее детство пришлось на время интенсивной антирелигиозной пропаганды, ее родители были вынуждены скрывать свою веру, а в школе ее учили ненавидеть Бога. Но ее вера никуда не исчезала, а просто приобретала другие формы, например — желание играть только положительных героинь, не поддаваясь искушениям даже на сцене.

«В школе меня учили ненавидеть Бога»

— Ирина Ивановна, в Вашем детстве было место для веры? Ведь Вы приняли крещение, уже будучи взрослым человеком.

— Вы знаете, хотя нас воспитывали атеистами, я думаю, что вера все-таки никуда не исчезала, она внутри, просто она преобразуется и выливается во что-то другое. Да, я о ней ничего не знала и была абсолютно комсомольским ребенком и искренне хотела быть пионеркой. Но это желание было связано исключительно с тем, что для меня носить красный галстук значило всем помогать, делать что-то хорошее, быть примером.

Однако от христианской веры нас отворачивали очень жестоко. В Новосибирске,

где я росла, тогда была всего одна церковь, и учителя водили нас вокруг нее, говорили всякую гадость-пакость — и я с ужасом вспоминаю, что мы плевали в эту церковь. Нам внушали, что вера — это мрак, нас пугали черными монашескими одеждами, нам читали какие-то ужасные рассказы и показывали какие-то фильмы про сектантов. Я не помню подробностей — но отлично помню свое детское впечатление. На меня так сильно влияла вся эта пропаганда, что я ненавидела Бога.

Мои родители были крещены, однако время загоняло их в определенные рамки. Помню, был и еще храм, но поступил приказ разрушить его к какому-то христианскому празднику, и я знаю, что папе, который тогда работал в милиции, пришлось принять участие в этом разрушении. Мама всегда была верующим человеком, хотя ей и пришлось вступить в партию. И когда я говорила что-то плохое про Бога, она всегда меня останавливала и на мои возражения отвечала: «Ничего не известно в этой жизни, так что не надо говорить таких вещей».

— А как удалось после всего этого влияния и негативного восприятия поверить и полюбить Бога?

— Спусти какое-то время и давление исчезло, и мозги стали вставать на место. Я, как и многие, мало чего понимала (Библию-то тогда совершенно невозможно было достать!) — я только понимала, что хочу

ИРИНА АЛФЕРОВА

Народная артистка России.

Родилась в Новосибирске, окончила ГИТИС, уже во время обучения ее пригласили сыграть в кино. Первой работой стал фильм «Хождение по мукам». Многим зрителям Ирина Алферова знакома по ролям Констанции Бонасье из фильма «Д'Артаньян и три мушкетера», Даши из «Хождения по мукам», Кати Лавровой из фильма «С любимыми не расставайтесь» и другим. С 1976 играла в театре «Ленком». Сейчас служит в московском театре «Школа современной пьесы». Сыграла более 60 ролей в театре и кино.

верить. И помню, что в старших классах надела крестик на шею. А как-то раз он случайно выбился из-под формы, и его увидела завуч. Как она меня схватила, как орала на всю школу: «Я тебя отовсюду выгоню, вылетишь из школы». А я даже и не понимала, что уж такого-то в крестике. Уже и время было другое — а для нее это все равно было недопустимо... Пришлось маме приходиться и заступаться за меня.

А в перестройку мне подарили мою первую Библию — она и сейчас хранится у меня дома, — и я не могла от нее оторваться, потому что она показалась мне интересней всех романов.

Когда мне было тридцать лет, а дочери Ксюше* — семь, мы поехали на гастроли в Грузию, и естественно, попав в эту замечательную атмосферу, где люди могут спокойно исповедовать свою веру, где так много красивых старинных храмов, первым делом решили покреститься.

«Я только покрестила свою дочь, а теперь она приобщает меня к Церкви»

— Вы крестились одновременно с дочерью. А Вы старались привить ей какое-то отношение к вере?

— Возможно, из-за того, что никто не приобщал к вере меня, я не знала, как это нужно делать. Кроме того, подход к воспитанию у меня всегда был нетипичный. Я никогда ничего не навязывала Ксюше и развивала в ней самостоятельность. Во-первых, конечно, актерам всегда некогда подолгу заниматься с детьми, но, во-вторых, я просто видела, что Ксюша уже родилась потрясающим ребенком. Она всегда и всем помогала. Лежит пьяный на улице: «Мама, надо помочь!» — «Как помочь? Он же сам выпил...» — «Это не важно, он человек, ему холодно, давай поможем!» Она всегда была терпеливая и послушная. Ведь я постоянно таскала ее за собой по гастролям, укладывала вечером в гостинице спать, а в два ночи уже поднимала на поезд — и она никогда не заносит, ничего ее не возмутит, пара минут — и она уже стоит готовая. Мне ее было жалко до смерти! Но вот удивительно — она всю жизнь такая.

И я понимала, что в ней есть очень правильные качества и что мне достаточно было просто подsunуть какую-то книжку, которая могла бы ее заинтересовать, о чем-то рассказать, куда-то сводить.

У меня никогда не было стремления сюсюкать со своим ребенком, в этом отношении я была жестокой матерью. Если Ксюша начинала капризничать, я ей отвечала: «Иди, поплачь если тебе надо, а потом возвращайся и объясни мне, что с тобой. Мне не нравится так разговаривать». И это работало. То есть я относилась к ней как к личности и прививала ей самостоятельность — и она сама окончила школу, институт и никогда не обращалась ко мне за помощью. И в том числе своим же умом и своим сердцем пришла к Церкви.

— Ваша дочь относится к тому поколению людей, которое часто становилось проводником в мир Церкви для своих родителей. В вашем случае тоже так было?

— Да. К сожалению, мне не сразу попались интересные священники, интересные люди, которые стали бы для меня проводниками в Церковь. И хотя многие считают, что это не имеет значения, для меня просто необходимо было найти именно своего человека — умного, образованного, культурного, глубокого и чем-то подходящего именно мне. Но к сожалению, поиски затянулись, и я опустила руки.

И так получилось, что спустя время Ксюша пришла в Церковь вместе с мужем** и стала приобщать и меня. Поздравлять со всеми праздниками, возить по своим любимым святым местам, знакомить со своими духовными наставниками, в чем-то со мной бороться, а что-то и попускать: «Ну ладно, сама потом поймешь».

А однажды я лежала в больнице с переломом ноги: мне делали безумно сложную операцию, и чтобы об этом не думать, не разочаровываться, я стала без конца смотреть телевизор. Я люблю смотреть телевизор, всегда нахожу какие-то интересные программы и считаю, что на телевидении работает очень много интересных и талантливых людей... Но на второй же день приехала Ксюша и привезла мне очень много церковной художественной литературы. Первой книгой, которую я тогда прочитала, стала «Несвятые святые». И сама себе не верю — но больше я телевизор в больнице не включала. Я просыпалась рано утром, чтобы только скорее начать читать.

Когда не было телевизоров и репетиторов

— Ксения организовала благотворительный фонд поддержки детей с особенностями развития. Вы следите за его деятельностью?

— Конечно! Я замечаю, что многие известные люди просто дают фондам свое имя и потом могут и не участвовать

* Ксения Алферова — актриса, основатель благотворительного фонда «Я есть!», интервью с Ксенией читайте в февральском номере «Фомы» за 2015 год. — Ред.

** Актер Егор Бероев; интервью с Егором читайте в июньском номере «Фомы» за 2010 год. — Ред.

1

1. С дочкой Ксенией. 1978

2

2. С Робертом де Ниро на набережной Москвы-реки. 1983 год. Фото Виталия Арутюнова/РИА Новости

3

3. XV Международный кинофестиваль в Москве: Карен Шахназаров, Федерико Феллини и Ирина Алферова. 1987 год. Фото Валерия Христофорова и Анатолия Морковкина/ТАСС

4

4. Ирина Алферова в роли Дины Федоровны и Альберт Филозов в роли Виктора Петровича в спектакле режиссера Иосифа Райхельгауза «Пришел мужчина к женщине» на сцене театра «Школа современной пьесы». Фото Станислава Красильникова/ТАСС

С дочерью Ксенией, соучредительницей благотворительного фонда Ксении Алферовой и Егора Бероева поддержки детей с особенностями развития «Я есть!» на акции «Удивительные елки удивительным детям». Фото Павла Смертина/ТАСС

в процессе. Но это не про Ксюшу. Всё от и до она делает сама. Если бы вы видели, какие она устраивает для своих подопечных праздники! Она отбирает для них все самое лучшее, что только может быть: лучших музыкантов, художников, декораторов. Не просто тех, кто может что-то сделать, а самых лучших! Внимательно отслеживает, чтобы в угощениях не было вредных пищевых добавок — ни одного «Е». Это же все надо найти...

А ведь у нее есть и своя дочь, и по-матерински я иногда переживаю и думаю, что Дуне нужно уделять больше времени. Но, может быть, когда Дуня вырастет, она оценит то важное дело, которым занимается ее мама. Хотя она и сейчас дружит с каждым ребенком из Ксюшиного фонда и всех очень любит. К тому же есть бабушка, с которой Дуне тоже интересно проводить время.

— А когда бабушка — еще и актриса, наверное, это интересно вдвойне...
— Еще бы! У меня всегда масса всяких идей. Даже если мы с ней не играем, а просто моем посуду, я обязательно начинаю ей рассказывать, что одна из тарелок

заколдована, что она перенесет нас в Париж, а там нас ждет... И дальше выдумываю что-нибудь эдакое.

А если я очень устала, то я ложусь и говорю: «Я в больнице, я очень больна, а ты мой лечащий врач». И часа два я придумываю разные болезни, а Дуня их лечит. А по ходу «лечения» мне ведь интересно как-то увлечь ребенка, и я говорю, что я учительница литературы, я уже очень старая, и я написала книгу, она о мальчике... — и все придумываю, придумываю бесконечно.

Но мне очень грустно, что сейчас, когда мы с Дуней выходим на улицу, чаще всего бывает так, что Дуне хочется играть с детьми, а их просто нет, все эти цветные городки во дворах стоят пустые, и играть с ней приходится мне.

— Сейчас трудно представить толпы детей во дворе. А в Вашем детстве все было не так?

— В этом отношении, мне кажется, у моего поколения было счастливейшее детство. Мы все время были на улице, во дворах, во что-то играли, что-то придумывали! У нас было столько игр — и спортивные, и на сообразительность, и скакалки, и мячи, и соревнования. В каждой игре были признанные лидеры: кто дальше прыгает, кто лучше придумывает.

И люди были как-то живей, искренней. Любая мама или бабушка могла накормить всю нашу дворовую ораву. В соседней комнатке нашей коммуналки жил дядя Митя: всё небольшое пространство комнатки занимал огромный станок — и всему нашему дому дядя Митя что-то паял, чинил, лудил. А мне постоянно помогал с математикой и другими уроками, давал читать или рассматривать разные интересные книжки. Дом, в котором я жила, взрослые для красоты окружили садом. А зимой они делали высоченные горки, и рядом с ними было столько детей, что надо было выстаивать очереди, чтобы с них скатиться... И везде крики, ор, веселье.

Телевизоров еще не было, поэтому мы много читали сами или слушали, сидя в беседке по вечерам, как читают взрослые. И конечно, мы постоянно устраивали у себя во дворе концерты, ставили сказки. Что-то прочитывали — тут же распределяли роли, бежали домой за какими-нибудь нарядами, натягивали простынку и начинали импровизировать. Было много всяких клубов, и как только мы видели сцену, мы тут же организовывали представление. Собирались во дворе зрители или не собирались — нам это было неважно. Нас никто не заставлял, мы репетировали сутками просто потому, что нам это нравилось.

А сейчас детей стараются загнать ко всяким репетиторам, учителям — и это тоже очень хорошо, но я считаю, что детские уличные игры — это была очень важная школа жизни.

«Не хочу поддаваться искушениям даже на сцене»

— Говорят, что Вы отказываетесь играть отрицательные роли.

— Все время отказываюсь — и за это на меня часто сердятся режиссеры. А Иосиф Райхельгауз, режиссер «Школы современной пьесы», все время повторяет, что я просто хорошая актриса — хотя могла бы быть великой, если бы соглашалась на все роли, которые он мне предлагает. А мне они просто не интересны.

— Почему?

— Мне кажется, что отрицательную или, по-другому, «острохарактерную» роль сыграть слишком просто. Честно говоря, я не понимаю, что здесь острохарактерного. Мне кажется, для того, чтобы совершать плохие поступки — ревновать, завидовать, злиться, пьянствовать, — много не надо. Достаточно просто не сдерживать своих слабостей, выпустить наружу ту мерзость, которая в нас сокрыта.

В нашей профессии почему-то возникло такое клише — «голубая героиня». То есть такая, которая просто красуется на экране, не прилагая к своей работе никаких усилий. Но разве положительный герой — это манекен с голубыми волосами и бантом на голове? Поверьте мне, зритель сразу почувствует фальшь, если ты сам не будешь наполнен чем-то хорошим, светлым, не будешь беспрестанно работать над собой, учиться сдерживать свой пыл, от чего-то отказываться, прощать, не пускать в себя всякую гадость. Это так тяжело!

— Но ведь есть множество прекрасных актеров, которые очень талантливо играют отрицательных персонажей...

— Конечно, есть. Но лично я не хочу выпускать наружу свои слабости, не хочу поддаваться соблазнам и искушениям даже на сцене. Я ведь пробовала поддаваться им в жизни — и даже пить, когда было очень тяжело... И сама же поняла, что это ужасно глупо! Ну будешь ты пить, ну разрушишься, превратишься из женщины в какое-то «оно» — и что? Кому это нужно? Кому это поможет? Твои близкие, за которых ты ответственен, должны видеть, что ты счастлив, что ты живешь в какой-то гармонии, иначе им будет некомфортно. Зачем делать им плохо, когда ты, наоборот, должен быть примером в каких-то вещах?

— И все-таки — не скучно всегда играть хороших героинь?

— А почему мне должно быть скучно? Есть очень много хороших героинь, которых я еще не успела и, может быть, никогда не успею сыграть. Если не хватает времени на них, то зачем тратить его на плохих героев? ♣.

Беседовали **Константин Мацан, Алексей Пичугин, Дарья Барина**
При подготовке интервью использовались материалы программы «Светлый вечер» на радио «Вера» (эфир 28.03.2016)

реклама

Библия

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Полный текст Ветхого и Нового Заветов

250 картин и гравюр художников различных эпох с подробным описанием

Картины великих русских художников: Поленова, Ге, Врубеля, Васнецова, Боровиковского, Бруни, Брюллова и других

Издательство: Международный православно-просветительский центр при Московской Патриархии
Кожаный переплет с тиснением

Телефон: 8 (925) 015 16 99

